

Елизавета
Водовозова

История одного детства

Елизавета Николаевна Водовозова

История одного детства

Серия «Дорога к счастью»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7489145

*История одного детства / Елизавета Водовозова; Лит. Обработка О.
К. Невзглядовой; Худож. А. Ю. Власова: ЭНАС-КНИГА; Москва; 2017
ISBN 978-5-91921-498-4*

Аннотация

Мемуарами детского педагога и писательницы Елизаветы Водовозовой «На заре жизни» зачитывались в начале XX века. Замечательный переводчик и литератор Ольга Невзглядова в 1939 году переработала эти материалы, и с тех пор повесть «История одного детства» служит уже многим поколениям российских юных читателей удивительным свидетельством ушедшей эпохи. Елизавета Водовозова – урожденная Лиза Цевловская – воспитывалась в бедной дворянской семье. Она подробно описывает трагические и радостные события своей жизни, семейный уклад, учебу в Смольном институте, воссоздавая для читателей непрдуманый мир девочки, жившей в дореволюционной России. Для старшего школьного возраста.

Содержание

О книге и ее авторе	6
Глава первая	8
Глава вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елизавета Водовозова

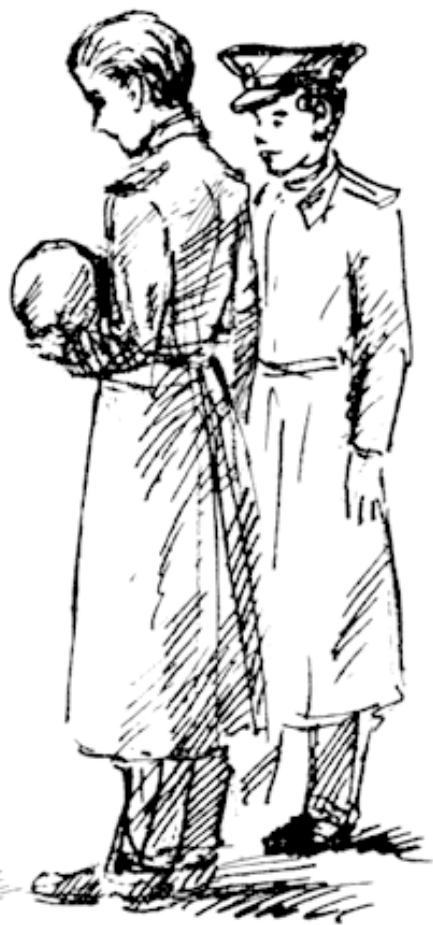
История одного детства

© О. К. Невзглядова, наследники, 2016

© А. Ю. Власова. Иллюстрации, 2016

© ЗАО «ЭНАС-КНИГА», 2016

* * *

О книге и ее авторе

Русская писательница и педагог Елизавета Николаевна Водовозова (в девичестве – Цевловская; 1844–1923) родилась в небогатой дворянской семье, которой принадлежало маленькое село в Смоленской губернии. Мать семейства, рано овдовев, вынуждена была взять в свои руки расстроенное хозяйство, ей приходилось экономить буквально на всем, чтобы сохранить хотя бы то небольшое состояние, которым владела семья.

Будущая писательница обладала сильным, независимым характером и была наблюдательным ребенком, она хорошо запомнила 1850-е годы – последнее десятилетие крепостного права в России. Своими глазами она видела все несправедливости, которым подвергались простые крестьяне. Ее удивляло и ранило, что людей можно продавать, как вещи, бить плетью за небольшие провинности, принуждать их к работе на помещика в ущерб собственному хозяйству, отбирать у них последний кусок хлеба. Но особенно несправедливым казалось Елизавете, что крепостные не имели никакой возможности учиться, чтобы как-то изменить, улучшить свою жизнь.

Благодаря родственникам матери, жившим в Петербурге, подростковую Елизавету Николаевну удалось устроить на учебу в Смольный институт для благородных девиц. Но что это

было за заведение? Девочек учили рукоделию, музыке, рисованию, танцам и иностранным языкам. Считалось, что им не нужно получать более широкое образование. В результате, проведя несколько лет взаперти, девочки выходили в большой мир беспомощными и неприспособленными к жизни, с испорченным здоровьем, с искаженными представлениями о реальности.

Во время учебы Е. Н. Цевловской поменялось руководство этого учебного заведения, и воспитанницам посчастливилось заниматься под началом великого русского педагога К. Д. Ушинского. Благодаря ему Елизавета Николаевна твердо решила стать учительницей. Тогда же она познакомилась со своим будущим мужем, преподавателем В. И. Водовозовым, найдя в нем единомышленника и верного друга. Более 50 лет она обучала детей грамоте и одновременно писала статьи и книги. В каждой ее строчке выражена мечта о счастье всех людей и стремление к справедливости.

Повесть «История одного детства», страницы которой сейчас открыты перед вами, – это литературная обработка мемуаров Елизаветы Николаевны, выполненная известным литератором О. К. Невзглядовой.

Глава первая

Моя семья

БЕЗ ЗАБОТ

В этой книге я хочу рассказать все, что помню о себе и о своем детстве, о своей семье, о том, как я росла и училась. Я расскажу не только то, что помню сама, но и то, что мне приходилось слышать от моих родных и близких.

Дом моих родителей не был похож на помещичьи усадьбы наших соседей. И жизнь в нем текла по-особенному.

– Вы нынче будете у Цевловских? – спрашивал один сосед другого.

– А как же, – отвечал ему тот, – нынче новую комедию будут ставить, так мы всей семьей поедем поглядеть.

И вот съезжались к нам, в Погорелое, гости. Не только члены помещичьих семей, но и все их домочадцы – гувернантки, лакеи и горничные – по нескольку дней гостили в имении моих родителей. В дни представлений наш дом и все его пристройки были полны народу.

В ту пору театр был большой редкостью даже в городе. А уж в деревне о нем и мечтать не приходилось.

Однако отец устроил у нас домашний театр не для забавы.

– Наш театр послужит для пользы детей, – говорил он матушке, когда она жаловалась, что эта затея стоит им слишком дорого.

Матушка жаловалась не даром. Для такой большой семьи, как наша, театр и постоянные гости были не по карману. Ведь нас, детей, было так много! Но прав был и отец. Для братьев моих и сестер (я была еще совсем маленькой и не принимала участия в спектаклях) театр имел большое значение. В других помещичьих семьях дети росли как сорная трава. Они бродили по дому без всякого дела или бегали целый день по двору.

Совсем не то было у нас. Отец, человек образованный и умный, постоянно заботился о детях. Он хотел, чтобы его дочери и сыновья сделались полезными и образованными людьми. Старших он научил иностранным языкам, сам переводив с французского пьесы, разучивал с детьми роли. Мы, дети, никогда не оставались без дела. Готовясь к спектаклям, сестры помогали горничным шить костюмы и мастерить разные вещи: из золоченой бумаги клеили короны и украшали их цветными бусами, вырезывали из дерева или картона латы и шпаги, раскрашивали их и разрисовывали занавес. Все принадлежности театра были самодельными. И даже артистами были сами дети, хотя, конечно, играли на сцене крепостные: одиннадцать человек из них были исключительно предназначены для театра.

Во время театральных спектаклей отец сам всем распо-

ряжался. В антрактах он выходил к публике и, посадив себе на плечо моего младшего брата, заставлял его говорить наизусть стихи или басенку. А после спектакля должны были танцевать мои сестры. Они выходили на сцену в русских нарядах: в сарафанах, кокошниках с множеством разноцветных лент, падающих на спину вместе с косой, с нитками разноцветных бус на шее.

– По улице мостовой! – кричит отец оркестру, и сестры, помахивая платочками, плывут под музыку одна за другой.

– Русскую! – скажет отец, и вот появляются мои братья. Они одеты в кумачовые¹ рубахи и плисовые² штаны. Вместе с сестрами они весело отплясывают разудалую русскую.

Неудивительно, что все мы, от мала до велика, обожаем отца. Играя с младшими, он поднимал такую возню, что нередко в комнату вбегала матушка. Она стыдила мужа за то, что тот сам увлекался игрой как ребенок, но отец ничуть не смущался и подшучивал над ней. Матушка смеялась шутке, и возня возобновлялась.

Многие помещики завидовали моим родителям: театру завидовали, веселью и дружной семье. Возвращаясь домой из Погорелого, они часто сплетничали об отце:

– Не по средствам живут эти Цевловские. Ведь, поди, сколько денег стоит театр и угощение. И крепостные, вместо того чтобы работать, в актерах ходят – пиликают на скрипке

---

¹ Кумач – ярко-красная хлопчатобумажная ткань (здесь и далее примеч. ред.)

² Плис – грубая хлопчатобумажная ткань с ворсом, похожим на бархатный.

да поют. Не дело это.

Театр и приемы стоили действительно много денег. Поэтому, прожив несколько лет в своем поместье, отец начал подумывать, как бы поправить свои дела. Вскоре ему предложили место уездного судьи в маленьком городке Поречье. Отец принял предложение и переехал со всей семьей в город. Он считал, что переезд в город будет полезен и нам. В городе легче доставать книги и больше образованных людей. Отец радовался, что мы уже не будем слушать разговоров о том, как один помещик ловко подкузьмил³ приятеля при продаже коня, или о том, как другой за какой-то проступок одного крестьянина выдрал всех мужиков и баб своего поселка – от старика деда до его пятилетней внучки.

Отец и в городе не оставил своей затеи с театром. Напротив, здесь было легче заняться им. Отец покупал комедии Фонвизина и Грибоедова, и мы их разыгрывали у себя. В Поречье мы занимали большой деревянный дом с пристройками, службами и прекрасным садом. Одну из пристроек отец взял под театр, и по-прежнему со всех концов съезжались к нам на представление гости. Расходы ничуть не уменьшились.

Матушка понимала, что отец близок к разорению. Но сравнит, бывало, своих детей с соседскими, подумает о том, какие разговоры ведут ее дети и какие у них интересы, – и решит никогда не спорить с мужем.

---

³ Подкузьмить – обмануть.

Так и текла у нас жизнь, не меняясь. Зиму проводили в городе, а весной уезжали в деревню. Из деревни мы получали провизию, холст, кожи. Крепостные нас обшивали с головы до ног – все делалось руками крепостных. И мы продолжали жить беззаботно и весело, на барскую ногу.

НАША НЯНЯ

Кроме матушки и отца, в нашей семье был еще один человек, такой же близкий и родной для нас, как они. Это была наша няня.

Привязанность ее к нашей семье имела особые причины. Няня всю свою жизнь помнила добро, которое некогда сделал ей мой отец.

Детство у нее было очень тяжелое. Ее отец держал постоянный двор и заставлял жену и дочь Машу работать не покладая рук. Это был человек крутого нрава. За малейшую оплошность он жестоко расправлялся и с женой, и с дочкой.

Маше минуло четырнадцать лет, когда у нее умерла мать. Маша одна плохо справлялась с хозяйством, за что нередко терпела жестокие побои отца. Так прожила она с полгода, как вдруг узнала, что отец ее собирается снова жениться, да еще на сварливой бабе. Маша поняла, что при мачехе ей совсем не будет житья, и задумала бежать из дому.

Как-то весной вышла Маша на крылечко. Мимо нее прошли нищие и недалеко от дома расположились на привал. Их

тение и рассказы так понравились девочке, что она решила присоединиться к ним.

И вот Маша сделалась нищенкой. Но бродячая жизнь в холод и непогоду, ночевки на сырой земле, грубость и воровство нищих оказались для девочки еще тяжелее, чем жизнь дома.

Вскоре Маша отстала от нищих и начала бродить одиноко, прося подаяния.

Однажды мой отец, разъезжая по делам службы, натолкнулся случайно на девочку, лежащую без чувств на краю дороги. Бледная и худенькая, в грязном изодранном платице, с исцарапанными и пыльными ногами, она, наверное, упала от холода и слабости. Отец поднял девочку и сразу же повез в больницу.

Через несколько дней, перед своим отъездом, отец навещал Машу и оставил ей денег и адрес своего поместья, пообещав, что, если она когда-нибудь туда забредет, он непременно устроит ее у себя.

Оправившись, девочка долгое время ходила из дома в дом, зарабатывая кусок хлеба изнурительной черной работой. Заработанных денег хватало только на то, чтобы не умереть с голода и переночевать под крышей. Наконец Маша устроилась няней в доме богатого купца и прожила здесь более пяти лет. Она решила, что, как только скопит достаточно денег, отправится в дальний путь к своему благодетелю.

И вот она явилась к нам с измученным лицом, с большими

темными кругами под глазами и резкими складками у губ. Отец едва узнал в ней девочку, которую несколько лет назад поднял на дороге.

С этих пор она стала жить в нашей семье и нянчить нас, детей. Несмотря на то, что она не была нашей крепостной, она из благодарности считала себя настоящей рабой моих родителей и членов нашего семейства. В крепостнические времена ни одно чувство не выражалось по-человечески: господа и рабы, свободные и крепостные выражали свои чувства по-холопски, вытравляя и в детях все зародыши истинно честных и свободных инстинктов. Мне еще не раз придется говорить о няне, описывая разные события моего детства, поэтому я буду продолжать свой рассказ.

ПЕРВОЕ ГОРЕ

Весной 1848 года мы собрались в деревню раньше обычного.

В городе появилась холера. Каждый день узнавали мы о том, что кто-нибудь заболел или умер. Поэтому родители мои особенно торопились с отъездом.

Нас, детей, это, конечно, совсем не заботило. Никому и в голову не приходило, что несчастье стучится у наших дверей.

В одну из ночей, незадолго до отъезда, проснулась сестра Саша и позвала няню. Но та не откликнулась. Саша зажгла

свечку и увидела, что няни в комнате нет и что постель ее даже не смята.

Саша испугалась и принялась будить братьев и сестер. С удивлением смотрели мы на пустую кровать няни и обсуждали, почему няня не ложилась спать.

– Тише... тише... – зашикала вдруг Саша, – слушайте!

На минуту в комнате стало тихо, и мы слышали какой-то шум, беготню и суету за стеной. Тогда Саша вскочила с кровати и, распахнув двери, стала громко звать няню.

Едва няня вбежала к нам в комнату, как мы сразу поняли, что в доме случилось что-то плохое. Руки у нее тряслись, из глаз текли слезы, она растерянно смотрела на нас, но ничего не говорила. Мы вскочили с кроваток и бросились ее обнимать.

– Нянюшечка! Что с тобой, отчего ты плачешь?

– Папашенька захворал... Папашенька... – говорила она дрожащим голосом, и слезы градом текли по ее сморщенным щекам. – Молитесь Богу, чтобы он вас пожалел, не оставил вас сиротами! – И с этими словами она упала на колени перед образами. Босые, в одних рубашонках, бросились на колени и мы. В эту минуту в коридоре раздался голос матери, которая звала няню.

– Ложитесь в кровати и лежите смирно, – сказала няня и выбежала из комнаты.

Но мы уже не могли заснуть весь остаток ночи. Когда рассвело, в комнату вошла моя старшая сестра Нюта – ей в ту

пору было пятнадцать лет, и она уже помогала маме и няне. В эту ночь Нюта тоже не раздевалась, ухаживая за больным отцом. От усталости она едва держалась на ногах. Одев и умыв младших, Нюта повела нас всех в пустой кабинет отца, находившийся в самом дальнем конце дома. Она закрыла дверь и велела нам сидеть как можно тише.

С каждым часом отцу становилось все хуже. Доктор приходил по несколько раз в день. По-видимому, он не ожидал ничего хорошего. Подсматривая в замочную скважину, мы видели, как он разводил руками и беспомощно качал головой.

Когда няня внесла нам обед, у нее так дрожали руки, что она не могла даже раскладывать кушанье по тарелкам. Присев на стул, она попросила сестру Сашу сделать это за нее.

Вечером отцу стало немного легче, и он крепко заснул.

Заснула и матушка, так как в предыдущую ночь никто из старших не раздевался.

Мы, дети, на этот раз пошли спать очень рано. Измученная накануне беспокойной ночью, я едва успела положить голову на подушку, как тоже заснула крепким сном.

Мы мирно спали в детской, а в это время отец доживал свои последние минуты.

Он проснулся около десяти часов вечера. Матушка уже сидела у его постели и тревожными глазами всматривалась в его лицо.

Отец слабо улыбнулся и тихим, но твердым голосом объ-

явил матушке, что должен перед смертью серьезно поговорить с ней. Тут матушка расплакалась и, осыпая его руки поцелуями, стала уговаривать его не думать о смерти теперь, когда он подкрепился сном и чувствовал себя лучше. Но отец покачал головой и сказал, что сил у него осталось очень мало. Поэтому он просил матушку «не терзать его попами», а позвать сюда няню, так как ему хочется сказать несколько слов и ей.

Матушка так привыкла во всем верить отцу, что и тут сразу же поверила его словам.

Не в силах сдерживать своего отчаяния, она бросилась перед ним на колени и плакала и кричала, пока няня не подняла ее и не успокоила немного.

Потрясенный горем матушки, отец долго не мог говорить, но когда затихли ее рыдания, он собрался с силами. Прежде всего отец благодарил матушку за счастье, которое она ему дала в продолжение двадцати лет. Потом медленно и подробно он ввел ее во все хозяйственные дела. Положение оказалось очень тяжелым. У отца были большие долги, которые он надеялся постепенно покрыть своим жалованьем. Теперь же, после его смерти, говорил он, матушке придется продать лучшую часть имения, чтобы уплатить эти долги. Отсутствие средств не позволит ей нанять опытного управляющего. С этих пор всем хозяйством она должна будет вести сама с помощью старосты из крестьян. Но отец уверял матушку, что, как только она примется за управление помещьем, ее ум и

деловитость подскажут ей, что делать, и она, наверное, лучше поведет хозяйство, чем он, который довел его до такого состояния.

Тут он тяжело вздохнул и, повернувшись к няне, сказал, что он надеется на то, что она будет ангелом-хранителем не только его детей, но и жены и сделается ее первой помощницей.

Отец умолк и откинулся на подушки. Потом, сделав над собой усилие, приподнялся снова.

– Последняя просьба, – сказал он матушке едва внятным голосом. – Дай детям образование. Сделай это, даже если тебе придется для этого продать все имущество; а другой мой предсмертный завет: будь милостива к крестьянам, не позволяй обижать их, – пусть среди них не раздаются из-за тебя стоны и проклятья.

Больше говорить он не мог. Силы оставили его. Матушка и няня стояли подле кровати, боясь пошевелинуться. А когда матушка нагнулась над ним, он уже не дышал...

В эту ночь я снова проснулась от Сашиного крика. – Вставайте! – кричала Саша. – Что-то случилось!

Мы вскочили с постелей и прислушались: в доме то и дело хлопали двери, в коридоре шла ужасная беготня, что-то непрерывно вносили и выносили, громко звали по имени то одного, то другого из слуг. С противоположного конца дома доносились крики и рыдания. Затем послышался топот многих людей сразу, точно выносивших что-то громоздкое...

Когда шум несколько стих, Саша сказала, что она идет посмотреть, что все это значит.

– И я с тобой! И я! Я ни за что без тебя не останусь! – кричали мы, со всех сторон обступив Сашу.

Уцепившись за нее, босые, в одних рубашках, мы выбежали в коридор. Перед нами была дверь, ведущая в залу. Узкая полоска света блестела из-под нее. Саша распахнула дверь настежь, мы вошли и остолбенели: посреди комнаты, на столе, уже одетый, лежал усопший отец, окруженный горящими восковыми свечами. Кто-то из нас пронзительно вскрикнул, а за ним и все остальные.

В ту же минуту из противоположных дверей залы вбежала няня. Увидев нас, она всплеснула руками и, стараясь захватить всех нас в свои раскрытые объятия, стала рыдать, приговаривая...

– Несчастные вы мои!.. Сиротки!.. Горемычные вы крошки!

Но вдруг спохватилась, что мы раздеты и босы, и потащила нас в детскую.

БЕДА ЗА БЕДОЙ

Не успели мы похоронить отца, как заболели холерой две моих сестры. Их хоронили одну за другой. В течение трех следующих недель холера унесла еще четырех детей из нашей семьи.

Старшие были заняты больными и хлопотали о похоронах, а потому на нас, здоровых детей, никто не обращал внимания. Мы свободно вбегали в комнаты больных, входили к покойникам. Немудрено, что среди нас так быстро распространялась зараза.

За все четыре-пять недель никто в нашем доме не проспал как следует ни одной ночи, матушка и няня еле передвигали ноги от усталости и отчаяния.

Уход за больными, лечение и похороны окончательно опустошили кошелек матушки, и она решилась продать городской дом и перебраться в нашу деревенскую усадьбу навсегда.

На третий или четвертый день после последних похорон матушка стала торопиться с отъездом.

В Погорелое был послан верховой, чтобы предупредить крестьян о нашем приезде. Крестьяне должны были выехать с телегами в Поречье для перевозки нашего городского имущества.

Но, прежде чем приняться за укладку вещей, решено было немножко отдохнуть.

– Пойди поспи, – сказала матушка няне, – ведь ты на ногах еле держишься.

Перед тем как уйти в свою комнату, няня завернула в людскую и приказала горничной затопить в детской печи и последить за детьми.

Нас теперь оставалось немного: пятнадцатилетняя Нюта,

Са́ша, двенадцати лет, два брата, Андрю́ша и За́ря, да я с семилетней сестрой Ни́ной. Ню́та, помогавшая старшим, тоже легла спать, а Са́ша с Андре́ушей и За́рей пошли в сад.

Когда горничная увидела, что матушка и няня спят, что заснула и старшая сестра Нюта, она, несмотря на приказание, преспокойно ушла в людскую. Мы с Ниной затеяли стирку белья для наших кукол. Достали чашку, налили в нее воды и принялись за дело. Но вот Нина объявила, что уже кончила стирку. Придерживая руками свои мокрые тряпочки, она стала сушить их у открытой печки, пылавшей ярким пламенем. Вдруг она отчаянно закричала. Подняв голову, я с ужасом увидела, что легкое платье сестры охвачено огнем. С пронзительным криком Нина понеслась в другую комнату. Я кинулась за ней, но в глазах у меня потемнело, пол, казалось, ушел из-под моих ног, и я упала, потеряв сознание.

Я пришла в себя уже на кровати. У противоположной стены в постели лежала забинтованная Нина. Хотя доктор явился немедленно, но Нине уже нельзя было помочь. Она получила очень тяжкие ожоги и умерла через несколько дней.

После похорон Нины, этих уже восьмых похорон в нашем семействе, я продолжала лежать опасно больная. Страшная боль в желудке и сильная рвота сразу обнаружили холеру.

Не помню, как долго я болела и мучительна ли была моя болезнь. Лишь отрывочные воспоминания остались у меня об этих днях.

Как-то, после сильных судорог и болей, я впала в забытие.

Я не могла ни говорить, ни шевельнуться. Няня, не отходявшая от моей постели, то растирала мои холодеющие ноги, то поправляла подушку, и я чувствовала, как ее горячие слезы капали мне на лицо. Испугавшись, что я лежу без сознания, она принялась звать меня и просить, чтобы я сказала хоть слово, кивнула бы головой, если слышу ее.

Но я продолжала лежать неподвижно. Не помню, молчала ли я из упрямства или потому, что у меня не было силы вымолвить слово и кивнуть головой. Тогда няня громко позвала матушку. Матушка быстро вошла в комнату, присела к моей кровати и положила руку мне на лоб.

– Умирает, – еле слышно сказала матушка.

– Боже упаси! – закричала няня. – Мы ее ототрем... Как же так? Непременно ототрем!.. Зовите, зовите доктора, зовите же, матушка-барыня, поскорее!

Но матушка не двигалась. Она сидела в каком-то тяжелом раздумье и, покачивая головой, повторяла:

– Девятый покойник... Девятый покойник! Что же... Пусть умирает. И оставшихся нечем кормить!

Я была еще слишком мала, чтобы правильно понять эти слова. Я не почувствовала в них ни горечи, ни отчаяния.

Боясь пошевелинуться, чтобы не выдать того, что я все слышу, я лежала, уткнувшись лицом в подушку, в то время как тяжелый комок подкатывал к горлу и слезы душили меня.

«Моя мать, моя родная мать желает моей смерти! Моя

мать, моя родная мать не любит меня!» – твердила я про себя.

Я и прежде была привязана больше к няне, чем к матери, но эти неосторожные слова, произнесенные матушкой в минуту отчаяния, не раз потом вызывали у меня к ней злобу и вражду, доставив мне в детстве много тяжелых часов.

Наконец доктор объявил, что болезнь моя уже не опасна для жизни, и меня в первый раз перенесли в залу и усадили на диван среди подушек. Сидя здесь, я слышала какое-то монотонное бормотание, доносившееся из кабинета отца: как будто читали вслух без всякого выражения. Слова я не могла разобрать, а голоса были незнакомые, чужие. На мой вопрос няня отвечала, что в кабинете две сестры-монашенки читают по покойникам; когда одна спит или обедает, ее заменяет другая, чтобы молитвы по усопшим продолжались непрерывно день и ночь.

Однажды, когда я, по обыкновению, сидела на диване и прислушивалась к однообразному чтению молитв, в залу вбежала наша горничная. Она отчаянно размахивала руками и с криками «Воровство! Воровство!» металась по комнате.

На шум явилась матушка. Оказалось, что во время укладки вещей слуги обнаружили пропажу: не хватало многих золотых вещей и серебряной посуды, исчезло кое-что из белья и верхней одежды. Так как в доме, кроме двух сестер, приглашенных читать по усопшим, чужих не было, то в воровстве заподозрили именно их.

Не говоря им ни слова, няня побежала к полицмейстеру. Тот вместе с ней и двумя полицейскими сразу отправился к богомолкам на квартиру. Очень скоро кое-что из украденного было найдено в сундуке молодых девушек.

Когда сюда же с полицейскими привели двух сестер, они сразу сознались во всем и объяснили, что каждый день уносили что-нибудь из нашего добра, но большую часть они уже сбыли на базаре. Родители девушек прибежали к матушке и бросились перед ней на колени, умоляя ее не губить семью. Матушка и не собиралась этого делать: все равно разыскать проданные вещи было невозможно в то время. Матушка во всем винила только себя: отец не верил в Бога – значит, ни для него, ни для детей незачем было выполнять обряд чтения по покойникам.

На этом беды в нашей семье прекратились. Дом был продан купцу Сидорову, и деньги розданы в уплату долгов.

Теперь мы могли ехать. Укладка вещей продолжалась несколько дней, и притом все были заняты с утра до ночи: ведь мы забирали с собой все, что у нас было, так как навсегда расставались с городом.

ПЕРЕЕЗД В ДЕРЕВНЮ

Наше поместье Погорелое находилось в 75 верстах от города, в котором мы жили. Чтобы перевезти все наше добро и городскую обстановку, а также нас самих с нашими горнич-

ными, лакеями, поварами, кучерами и прачками, нам прислали из деревни множество телег с лошадьми. Для путешествия «господской семьи» был прислан «дормез» – громаднейшая неуклюжая колымага на высоких колесах. Снаружи дормез был обтянут побуревшей и растрескавшейся кожей, прибитой к доскам простыми ржавыми гвоздями, а по бокам его вместо окон были сделаны отверстия. В дурную погоду эти отверстия закрывались сукном, а в хорошую погоду тяжелые занавески отдергивались.

Внутри этот экипаж был обит серой материей, положенной на вату и простеганной в пяльцах руками крепостных девушек.

Каких только мешочков, карманов и отделений не было в обивке нашего дормеза! В нем были устроены карманы для полотенец, для бутылок с квасом и молоком, для кружек, для спичечницы, мыльницы, гребешков, щеток. Несмотря на то что объемистые бока его были набиты всевозможными дорожными принадлежностями, во всех углах еще стояли ящики с провизией, а узелки и мешочки с разным жарким и печеньем подвешивались к потолку экипажа. Там, где дорога была плоха и дормез встряхивало, бутылки и узлы срывались со своих мест и летели на головы путешественников. Низ экипажа был устлан сеном, а поверх навалены перины и подушки. Лежать в этом дормезе было удобнее, чем сидеть; даже взрослый мужчина мог вытянуться в нем во весь рост. Однако вылежать всю дорогу было довольно трудно, а чтобы

сесть, приходилось каждый раз устраиваться заново: передвигать узлы, ящики и картонки, складывать подушки и одеяла. Мы, дети, прозвали наш экипаж «Ноевым ковчегом».

Хотя ехать нам предстояло всего два дня, провизии заготовили столько, сколько потребовалось бы для прокормления целого полка, выступавшего в поход. Накануне, уже с раннего утра, в залу вносили то готовые бисквиты в бумажных коробках, и по комнатам разносился запах жженой бумаги, то блюдо с булочками разнообразных форм, то жареных гусей, куриц и цыплят. А каких только пирожков не заготавливали для этого случая! Тут были пирожки с морковью и с картофелем, с мясным фаршем и даже такие, в которых запекалось по целому маленькому цыпленку. Наступил день отъезда. На улице перед нашим домом уже стояли нагруженные возы. Вот к крыльцу подъехал дормез.

В последний раз собрались мы в столовой, чтобы по русскому обычаю присесть перед дорогой.

В комнату вошла матушка, села позади нас и вдруг со стоном упала на колени.

— За что, за что все это? — отчаянно рыдая, вскричала она. Затем, быстро поднявшись, она направилась в кабинет мужа, перешла в комнату только что умерших детей, и отовсюду раздавались ее отчаянные рыдания и крики. Мы, дети, прижались к няне и плакали вместе с нею. Но постепенно безумные рыдания матушки стихли, и она вышла к нам с лицом, покрытым красными пятнами, с глазами, опухшими от слез.

Она тяжело дышала и прислонилась к стене, как бы ища опоры. Потом с усилием выпрямилась и велела отправляться в путь.

Наш переезд в деревню походил на великое переселение народов. Двадцать телег, нагруженных нашим имуществом, тащились друг за другом. К задкам телег были привязаны коровы. Лошади дормеза были увешаны бубенцами, а к дуге коренной подвесили большой и звонкий колокол; три лошади этого экипажа были запряжены кряду, тройкой, и ими управлял кучер, но одна тройка не могла тащить такую колымагу, а потому были впряжены еще две лошади впереди, которыми управлял крестьянин, сидевший на одной из них верхом. Когда лошади тронулись в путь, раздался шум, визг, треск, звон колокольчиков и бубенцов, которые, конечно, забавляли нас, но едва ли были приятны матушке, чувствовавшей себя совсем слабой.

Низ нашего экипажа был устлан перинами, подушками и покрыт одеялами. Матушка улеглась с одного края. Подле нее положили меня, рядом примостилась няня, а против нас усадили двух братьев и двух сестер. После смерти сестры Нины нас осталось теперь пятеро детей.

Вначале дорога шла совсем ровная, и мы продвигались довольно быстро. Чтобы мы не скучали, няня надела всех орехами. Братья и сестры щелкали их зубами, выбрасывая шелуху за оконца, открытые по случаю хорошей погоды. Но вот кочки и выбоины стали попадаться все чаще, и нас то и

дело встряхивало.

Андрюша вскочил и стал уверять, что, когда экипаж встряхивает, орехи сами собой раскалываются во рту.

В эту минуту резкий толчок чуть не повалил брата. Андрюша схватился рукой за тесьму, придерживавшую бутылку с квасом, нечаянно сорвал ее, бутылка разбилась, и квас выплеснулся нам на ноги.

Матушка гневно приподнялась со своего места и приказала кучеру остановиться. Затем, залепив брату звонкую пощечину, она крикнула ему:

– Болван! Разучился благопристойно держать себя при матери. Марш на телегу с людьми!

Андрюша был старшим сыном. Он уже учился в корпусе и приезжал домой только на летние каникулы. Чувствуя себя старшим в семье, Андрюша важничал; он любил отдавать крепостным приказания и говорил со слугами таким тоном, каким у нас не говорили взрослые.

Поэтому ехать в одной телеге с крепостными было для него особенно чувствительным наказанием.

Высадив брата, мы снова пустились в путь. День уже склонялся к вечеру, когда мы, чтобы не платить денег за ночлег на постоялом дворе, остановились при въезде в одну деревню и вышли из экипажа. Люди вынесли из ближней избы скамейки и стол, поставили самовар, который мы везли с собою, развязали пакеты с провизией и расставили все это на столе. Покончив с чаем и закусками, мы стали готовиться ко

сну. Братьев матушка отправила на соседний сеновал, а мы, девочки, с матушкой и няней улеглись в дормезе.

Наши люди устроили между собой смену: одни оберегали лошадей и нас, другие спали в это время, а затем вставали и дежурили в свою очередь. Как только рассвело, нас разбудили. Мы вылезли из экипажа, напились чаю, подкрепились и снова отправились в путь.

От деревни, где мы ночевали, до нашего поместья было всего верст тридцать. Но эта часть пути была самая трудная. Предстояло проехать «Чертов Мост».

Почему это место называли мостом, непонятно: никакого моста тут не было. Но и дороги тоже не было. Это было топкое болото, кое-как заброшенное засохшими ветками, щебнем, мусором, камнями. То там, то здесь торчали стволы деревьев, огромные камни, зияли мутные колдобины, блестя на солнце зеленоватою грязью. Конечно, Чертов Мост можно было бы превратить в проезжую дорогу, надо было только вырыть канавы для стока болотной грязи, но никому это не приходило в голову. Лишь изредка, когда становой узнавал, что тут скоро должен проехать архиерей или какой-нибудь важный чиновник, он сгонял крестьян, и начиналась починка дороги. К Чертову Мосту свозили хворост, песок, камни, щебень, сваливали все это в трясины, а потом утрамбовывали.

Дорога от этого не становилась хорошей, но все же лошади не увязали по брюхо, и кое-как можно было проехать. Но

через месяц-другой после починки, особенно если бывали дожди, Чертов Мост снова превращался в болото.

Когда мы подъезжали к Чертову Мосту, кучер остановил лошадей и подошел к окошечку, у которого лежала матушка. Он объявил, что лошадь с первой телегой, которую он отправил вперед, чтобы испытать дорогу, уже завязла. Это значило, что нужно вытаскивать завязшую телегу и чинить дорогу.

Все бывшие с нами люди выскочили из телег и принялись за работу: обрубали топорами кустарники и тонкие деревца по бокам дороги и наваливали их в колдобины и лужи; несколько человек подсовывали длинные бревна под колеса завязшей телеги, чтобы вытащить ее из грязи.

Наконец лошадь и телегу вытянули, дорогу кое-как поправили. Можно было трогаться. Решено было пустить вперед один за другим все возы. Как только воз начинал увязать, к нему подбегали двое людей и тащили лошадь под уздцы, направляя ее то вправо, то влево. Сами люди то и дело проваливались в топкую грязь по колено, а то даже и по пояс.

Наша колымага стояла у дороги и ждала своей очереди; проехал последний воз, можно было трогаться и нам. И вот заскрипел, завизжал и отчаянно застонал наш дормез. Впереди двое крестьян забрасывали хворостом ямы и лужи. С боков и сзади наши люди подталкивали дормез, чтобы хоть немного помочь выбившимся из сил лошадям. Кое-как мы выбрались из Чертова Моста. Однако еще не раз нам прихо-

дилось останавливаться, забрасывать ямы хворостом и вытаскивать из грязи лошадей.

Чего только не было с нашим ковчегом во время пути! Он вдруг проделывал удивительные скачки, причем вздрагивал и трясся, точно живое существо от страха перед чем-то ужасным, то накренился набок, то начинал трещать и скрипеть с такой силой, что казалось – вот-вот разобьется вдребезги. То и дело ударялись мы о разные металлические скрепы и гвозди, торчавшие изнутри. Исколотили до синяков спины о брусья, набили шишки на головах, растрясли все внутренности. Дорожные вещи в многочисленных карманах срывались со своих мест и падали нам на головы.

Но вот адская дорога кончилась. Люди и лошади совсем измучились, и матушка, чтобы сделать передышку, приказала остановиться у первой деревни, хотя до Погорелого оставалось не больше десяти-двенадцати верст.

Мы въезжали в наше поместье уже вечером. Я совсем забыла деревню. Ведь год тому назад я была слишком мала, чтобы что-нибудь удержать в памяти. Как только показалось наше огромное чудное озеро у подножия горы и наш большой деревенский дом, няня приподняла меня к окошку:

– Смотри, смотри: вот и наше озеро. А наш дом-то, дом, ишь как блестит на солнышке – сущий дворец!

На крыльце нашего дома стояло несколько баб и ребят с приношениями. Бабы подносили матушке хлеб-соль и яйца. Дети протягивали сестрам и мне букеты полевых цветов.

Они подарили нам живого зайчика и пару чуть оперившихся птенцов.

Матушка расхаживала по комнатам, точно в первый раз рассматривая их, и слезы градом катились по ее щекам. Она рассеянно давала распоряжения и скоро ушла в «боковушку» – самую маленькую комнату в доме, с одним окном. Через несколько минут она позвала туда меня и няню. Когда мы вошли, матушка схватила меня на руки и начала осыпать поцелуями. Ее горячие слезы падали мне на руки и лицо.

– Эту комнату, – сказала матушка, – я отдаю тебе, Лизуша, и няне. Ты у меня теперь младшая в семье да самая хворая, так что няня тебе нужнее, чем другим.

Радость наполнила мне душу. Как я была счастлива, что буду теперь всегда с моей милой няней! Я поняла слова матушки так, что она дарит мне няню и что няня с этих пор должна будет принадлежать только мне одной.

Глава вторая

В деревне

ПО-НОВОМУ

Новая полоса началась в моей жизни. Нам, детям, переезд в деревню был, конечно, по душе. Светлый и уютный дом с просторными комнатами, коридором, боковушками и отдельным флигелем во дворе, большой тенистый сад с извилистыми дорожками, а за ним широкое поле и у подножия горы голубое озеро – все это было заманчиво, располагало к играм и прогулкам и не могло сравниться с тем, что окружало нас в Поречье.

Матушка, целиком ушедшая в хозяйство, на нас, детей, не обращала никакого внимания.

В помещичьих семьях вообще довольно мало думали о детях. Близости между детьми и родителями почти не бывало. Поутру дети подходили «к ручке» родителей и желали доброго утра, после еды опять целовали ручку и благодарили за обед или ужин. Прощаясь перед сном, желали друг другу спокойной ночи. Вот и все, чем обменивались за день родители и дети, гувернантки и няньки должны были строго следить за тем, чтобы дети не докучали старшим. За каждый

пустячный проступок детей награждали подзатыльниками, стегали плеткой, секли розгами.

Неудивительно, что детей всегда тянуло в людскую: в ней было веселей, чем в детской; тут горничные, лакеи и кучера, обедая, сообщали разные новости, рассказывали о происшествиях в семьях других помещиков, тут валялись обычно остатки брюквы, репы, кочерыжки от капусты, и можно было втихомолку лакомиться ими.

Детям выделялось все, что было похуже и не могло использоваться взрослыми «господами». Даже в богатых помещичьих домах под спальни детей отводились самые темные и невзрачные комнаты. Форточек в комнатах не было. Спертый воздух очищался только топкой печей. Духота в детских стояла ужасная: всех маленьких детей старались поместить в одной-двух комнатках, и тут же, вместе с ними, на лежанках, сундуках или просто на полу, подостлав себе что попало из хлама, пристраивались на ночь мамки, няньки и горничные. Дети спали на высоко взбитых перинах. Перины эти никогда не сушились и не проветривались. Зимой по месяцам детей не выводили на улицу, никто не имел понятия о том, что свежий воздух необходим для здоровья.

В то время существовало поверье, что черные тараканы приносят счастье и скорое замужество, поэтому помещицы, у которых были дочери-невесты, нарочно разводили их: за нижний плинтус стены клали крошки сахара, хлеба. В таких домах тараканы по ночам, как камешки, падали со стен на

спящих детей; в изобилии водились здесь и клопы, и блохи.

Благодаря моему отцу, горячо любившему детей, наше положение в доме не было таким печальным. Наша семья была культурнее других помещичьих семейств в нашей местности. Правда, матушка не прочь была дать подзатыльника, толкнуть в спину и дернуть за волосенки, но комнаты, в которых мы жили, содержались всегда в чистоте и порядке. Во всем же остальном нам тоже жилось несладко.

С тех пор как мы обнищали, матушка во всем наводила жестокую экономию. По вечерам мы «сумерничали», то есть не зажигали огня, пока не наступала полная темнота.

Хотя свечей не покупали, а приготавливали их из сала домашних животных, но даже к свечам относились у нас бережливо.

По вечерам во всем нашем доме горели обычно лишь две свечи: одна – в столовой на столе, за которым сидели мы все с матушкой и няней, другая – в девичьей.

Однако для нас, детей, самым чувствительным было не это. С особым сожалением говорили мы о сладком, которого нам теперь совсем не давали. Конечно, такие разговоры мы вели только тогда, когда матушки не было в комнате.

– Отчего у нас не делают теперь ни взбитых сливок, ни бисквитов? – спрашивали мы няню. – Ведь сливки и яйца у нас свои, а не покупные.

– А оттого, – говорила няня, – что нам с сахаром и крупчаткой экономить надо, да и некогда нам теперь с этим хоро-

водиться. И не докучайте вы этим мамашеньке... Ради Христа, не раздражайте ее...

Все же нам иногда кое-что перепало.

Бывало это так. Из меда и патоки у нас заготавливали на зиму варенье, из местных ягод делали сиропы, но часть заготовок, особенно из патоки, часто портилась.

Каждый горшок испорченного варенья или маринада няня показывала матушке.

Отведав того или другого, матушка тяжело вздыхала и говорила что-нибудь в таком роде:

– Какое несчастье! Действительно никуда не годится. Что же, давай детям.

И, чтобы растянуть наше удовольствие, а не потому, что мы могли бы заболеть от испорченной пищи, она наказывала давать нам по маленькому блюдечку. И вот по целым неделям и месяцам мы ежедневно ели паточное или медовое варенье, прокисшее так сильно, что от него по комнате шел запах кислятины.

То же самое было со всеми другими домашними заготовлениями: все, что покрывалось плесенью, отдавали крепостным, менее испорченное получали мы.

Радуюсь этим неудачам в хозяйстве, мы, однако, не прочь были полакомиться чем-нибудь получше, особенно тем, что от нас тщательно пряталось.

С большим нетерпением ожидали мы времени, когда у нас вырезывали соты из пчелиных ульев. Это происходило

в жаркие летние дни. Мы все выбегали тогда на крыльцо. Отсюда видно было, как наш садовник, старый Мирон, шел к пчелиным ульям. По этому случаю он был в специальном наряде. На голове у него было надето что-то вроде маски из грубой кожи с дырками, вырезанными для глаз и рта, а на руках были длинные неуклюжие перчатки. Он держал чистенький деревянный лоток, на котором лежали ложка, нож и лопаточка. С крыльца мы наблюдали, как, отбиваясь от пчел, Мирон ловко и быстро справлялся со своим делом. Пчелы роем кружились вокруг него, но перчатки и маска хорошо защищали, и Мирон никогда не бывал покусан.

Когда вырезанные соты приносили в столовую, матушка с няней укладывали их в особые горшки. В низу такого горшка сбоку была просверлена дырка, которую затыкали деревянной втулкой. Соты клали в горшок и ставили на высокую табуретку, а к этой табуретке подставляли другую, пониже, с обыкновенным пустым горшком без дырки. Затем из верхнего горшка вынимали втулку, и чистый мед стекал вниз, во второй горшок. Эта операция происходила в праздники, то есть тогда, когда матушка бывала дома. Когда же она уходила, столовая сейчас же замыкалась на ключ.

Однако нас это нисколько не смущало. Подкараулив, когда матушка уходила из дому, наш кадет (так называли мы Андрюшу, учившегося в корпусе и проводившего у нас только летние каникулы) открывал из палисадника окно столовой и без труда влезал через него в запертую комнату.

Остальные, затаив дыхание, следили за каждым его движением. Убедившись, что ниоткуда не грозит опасность, Андрюша подавал нам знак, и мы один за другим быстро оказывались в закрытой столовой. Меня, как самую маленькую, поднимали дружно на руках. Мы сразу же бросались к горшкам и подставляли под текущий мед свои ладони.

Облизав руки, мы снова и снова совали их в сладкую струю.

Не найдя нас в саду и не слыша в комнатах наших голов, няня догадывалась о нашей проделке. Боясь, как бы об этом не узнала матушка, она подбегала к окну и звала нас испуганным шопотом: «Мамашенька идет... Вот уж все ей расскажу».

Мы в ужасе выскакивали из окна. Няни, конечно, никто из нас не боялся. Но матушка внушала страх всем. Убедившись, что матушки не видно, мы сразу успокаивались. Няня же вся тряслась от страха за нас.

– Экий ты озорник, Андрюша, – накидывалась она на брата, – переkreщусь, когда в корпус уедешь! Хорошему сестер-братьев обучаешь... Что, если кто из прислуги увидит да мамашеньке и донесет?

Матушка вставала с рассветом и сейчас же уходила из дому на поля. Мы с ней встречались только за обедом.

Друг за другом подходили мы поцеловать ее руку. При этом она торопливо здоровалась с нами и всегда спрашивала одно и то же:

– Ну что, здорова? Нагулялась?

Нередко она задавала этот вопрос и в дождливый, пасмурный день, когда мы не могли выйти из дому. Но матушка не замечала этого. Не замечала она и того, что мы часто отвечали на эти вопросы молчанием и бросали на нее угрюмые взгляды. Матушка вся ушла в новое для нее дело. Хозяйство заслонило все другие заботы, и она ни о чем другом не успевала думать.

Когда наступало время обеда или ужина, няня выбегала на крыльцо и громко сзывала всех к столу. За стол у нас принято было садиться в строго определенный час. Если кто-нибудь из нас опаздывал и являлся ко второму или третьему блюду, он ел его вместе со всеми.

Впрочем, мы не очень боялись пропустить какое-нибудь блюдо. Когда вставали из-за стола, няня тихонько дергала опоздавшего, и тот сразу отправлялся за ней в кладовую или боковушку. Тут нередко после ягод с молоком мы ели холодные щи или борщ. Опоздавший получал в прибавку пару яиц и кусок ветчины, потому что няня всегда боялась, как бы кто-нибудь из нас не остался голодным.

Чаще всего опоздавшими оказывались мои братья. Андрюша то отправлялся в гости к кому-нибудь из соседей, то с кем-нибудь из них шел на охоту. Никто не знал, куда он уходил и с кем водил дружбу. Часто за ним увязывался и младший, девятилетний Заря.

Если мои братья не сидели никогда дома, то мы, девочки,

почти не выходили из него. Я ни на шаг не отставала от няни. Шла ли она в амбар выдавать муку, крупу или зерно, я, накинув платок, тащиась за нею; сидела ли она с вязаньем в боковушке, я тут же пристраивалась у ее ног. Старшая сестра Нюта постоянно вышивала оборочки и воротнички, переснимала разные рисунки, составляла узоры для рукоделий, забегала в кухню постряпать какое-нибудь кушание или возилась в саду и палисаднике, сажая цветы, окапывая кусты. Сестра Саша, не поднимая головы, сидела за книгами.

СЕСТРА САША

Покойный отец всегда говорил матери, что Саша очень талантливая девочка. С ранних лет она проявляла необыкновенную понятливость и делала блестящие успехи в учении и музыке. Когда мы жили в Поречье, с Сашей занимался отец, ходили к ней и учительницы. Она свободно читала, писала и порядочно говорила по-немецки и по-французски. Под руководством отца она прочла на трех языках многие произведения классиков и усердно упражнялась в письменных сочинениях на этих языках.

Потеряв отца, Саша осталась без руководителя в занятиях, но во что бы то ни стало она стремилась продолжить свое образование. Не зная, как за это приняться, она начала перечитывать оставшиеся после отца книги. Но библиотека отца сильно пострадала при нашем переезде, да и большинство

книг были слишком трудны для нее.

Не теряя надежды, Саша набросилась на корпусные учебники брата. Но тут еще чаще она становилась в тупик. Так как Андрюша всегда убегал на целый день из дому, Саша с утра садилась в комнату, окно которой выходило во двор. С этого наблюдательного пункта Саша никогда не пропускала брата.

Как только Андрюша показывался во дворе, она срывалась с места и, схватив приготовленную тетрадку или раскрытую книгу, бросалась к нему.

— Андрюша, минуточку, одну минуточку только! — говорила Саша, умоляя брата объяснить какое-нибудь непонятное ей место, но Андрюша редко исполнял ее просьбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.